Научная статья

УДК 82.01
DOI 10.17223/18137083/97/12

Филологическая интерпретация текста и мира в нарративной структуре отечественного романа конца XX – начала XXI века

Галина Александровна Жиличева

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия
gali-zhilich@ya.ru, https://orcid.org/0000-0001-5048-0426

Аннотация

Исследуется роль филологического кругозора персонажей и повествователей в создании метауровня современного отечественного романа. В результате анализа устанавливается ряд закономерностей. В романах конца XX в. филолог выполняет роль культурного героя, в нарративах XXI в. – роль трикстера. Эволюционирует и способ взаимодействия персонажей с художественным текстом: от попыток вступить в диалог, расшифровать, создать свое истолкование – к растворению в чужом произведении, стиле, биографии. Такая ситуация отражается в структуре наррации: на смену вставным экзегетическим конструкциям (текстам героя, сноскам) приходит соотнесение теоретических концепций с событийным планом диегезиса. Актуальность филологической интенции современной прозы проявляется том, что она присутствует и в произведениях, ориентированных на массового читателя.

Ключевые слова

герой-филолог, филологический роман, экзегезис, метанаррация, А. Битов, О. Стрижак, С. Носов, Д. Данилов, В. Пелевин, И. Шипнигов, А. Секисов, М. Елизаров

Для цитирования

Жиличева Г. А. Филологическая интерпретация текста и мира в нарративной структуре отечественного романа конца XX – начала XXI века // Сибирский филологический журнал. 2026. № 4. С. 159–171. DOI 10.17223/18137083/97/12

© Жиличева Г. А., 2026

Philological interpretation of text and world in the narrative structure of contemporary Russian novels from the late 20th to early 21st century

Galina A. Zhilicheva

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation
gali-zhilich@ya.ru, https://orcid.org/0000-0001-5048-0426

Abstract

This paper examines the role of characters' and narrators' philological perspectives in constructing the meta-level of contemporary Russian novels. Analyzing works by A. Bitov, O. Strizhak, S. Nosov, V. Pelevin, D. Danilov, M. Elizarov, A. Sekisov, and I. Shipnigov, the study identifies several key regularities. In twentieth-century philological novels, which actualize convergent communication, interdiscursivity aids the search for adequate interpretations, depicting the philologist as a highly competent reader and guardian of meaning. By contrast, twenty-first-century narratives rely on a divergent, provocative communicative model that introduces the figure of the "unreliable" philologist. The characteristic "blind spot" of such heroes – their failure to recognize literary structures in real-life circumstances – problematizes the possibility of reconciling scholarly and existential experiences. Nevertheless, both models allow readers to compare their interpretations with the proposed reading, developing their own identity through an active response. The interaction between philologist-characters and literary texts also evolves: from attempts to engage in dialogue, decipher, and interpret, toward total immersion in another author's work, style, or biography. This shift is reflected in the narrative structure, where exegetical insertions (the hero's texts, footnotes, commentaries) are replaced by the integration of theoretical concepts into the diegetic sequence of events. Ultimately, the dominance of interpretive intrigue in contemporary prose extends the philological intention beyond the philological novel into mass-market literature.

Keywords

philologist character, philological novel, exegesis, metanarrative, A. Bitov, O. Strizhak, S. Nosov, D. Danilov, V. Pelevin, I. Shipnigov, A. Sekisov, M. Elizarov

For citation

Zhilicheva G. A. Filologicheskaya interpretatsiya teksta i mira v narrativnoy strukture otechestvennogo romana kontsa XX – nachala XXI veka [Philological interpretation of text and world in the narrative structure of contemporary Russian novels from the late 20th to early 21st century]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*]. 2026, no. 4, pp. 159–171. (In Russian) DOI 10.17223/18137083/97/12

Ж. Женетт, предлагая концептуальное разграничение диегетического и недиегетического уровней нарратива (фикционального мира и повествования о нем), определяет диегезис как пространственно-временной универсум, обозначаемый повествованием [Женетт, 1998]. В. Шмид, в свою очередь, описывает двухчастную структуру (история – наррация) как соположение диегезиса и экзегезиса: «…экзегесис относится к тому плану, в котором происходит повествование и производятся всякого рода сопровождающие изложение истории объяснения, истолкования, комментарии, размышления или метанарративные замечания нарратора» [Шмид, 2003, с. 81]. Оппозиция «диегезис – экзегезис» актуальна и для более узкой проблематики – описания видов вербализации нарративного дискурса. Так, В. И. Тюпа отмечает, что «медитативная речь (древнегреческий "экзегесис" – в противовес "диегесису" и "мимесису") вербализует когнитивные дейст-

вия: осмысление и оценку, различного рода генерализации (в противовес описательно-повествовательным детализациям), объяснения, комментирования. Такая композиционная форма вербализации в равной степени возможна как со стороны повествователя, так и со стороны персонажей» [Тюпа, 2021, с. 63].

Объем медитаций такого рода увеличивается в случае появления в произведении интерпретативной интенции, филологической рефлексии мира и текста. Экзегетические фрагменты, в которых осмысляются сущность литературы, устройство текста, научная терминология, переключают внимание читателя с референтного плана на метанарративный.

Исследователи относят к филологической прозе как романы о герое-филологе, так и тексты, написанные авторами-филологами (см. об этом работы: [Новиков, 1999; Разумова, 2005; Ладохина, 2010; Ивденко, 2021; Бешукова, Пшизова, 2022]). В обоих случаях ведущим признаком оказывается интердискурсивность – совмещение в нарративе научного и художественного кодов. По мысли И. М. Степановой, главная особенность данной прозы – «такое воплощение филологических идей в структуре романа, такое включение литературной или языковой теории в литературную практику, которое ведет к художественным открытиям» [Степанова, 2005, с. 76]. При этом, если герой-филолог не расшифровывает художественную информацию, не создает научные высказывания, он может и не являться знаком филологической направленности произведения.

Необходимо отметить, что актуализация теоретических концепций характерна не только для филологической прозы, но и для романов, в событийный ряд которых включаются эпизоды чтения, расшифровки, комментирования текстов, дополняющие авантюрное, фантастическое и иного рода повествование, ориентированное на массового читателя. В таких случаях, даже если герой и нарратор не являются филологами, можно говорить о филологической интенции произведения.

В статье рассмотрим, как интердискурсивность проявляется в структуре нарративов романа о герое-филологе и романа с филологической интенцией, но без такого героя.

Н. Т. Пахсарьян, опираясь на классификацию Софи Рабо, приходит к выводу, что в филологическом романе активны три варианта фабулы: «1) романист демонстрирует работу филолога, показывает его деятельность как ученого; 2) романные интриги предстают как критика филологии, выраженная имплицитно; 3) филологическое исследование служит своеобразной моделью для интерпретации романа» [Пахсарьян, 2023, с. 153]. Указанные варианты фабул, позволяют осмыслить филологический роман как вид метапрозы, метароман о чтении и читателе. Но представляется, что в такого рода произведениях важен еще один вариант событийности – поиск субъектом своей идентичности, в том числе, в терминологии Поля Рикёра, идентичности нарративной [Рикёр, 2013]. При этом идентичность обретается не только через рассказывание своей истории, но и через толкование чужого произведения.

По мысли О. В. Турышевой, метароман о читателе эволюционирует: если в модернизме текст делегировал читателю энергию преобразования жизни, то в постмодернизме – энергию ее осмысления [Турышева, 2011]. Проследим, как меняются модели интерпретации личности, мира и текста в филологических метанарративах.

В романах конца XX в. персонаж-филолог соотносится с актантной функцией культурного героя, носителя сакрального знания, поскольку является частью ло-

гоцентрического мироздания. Например, в романе, давшем толчок к развитию «второй волны» филологической прозы (первая, по мнению исследователей, пришлась на 20–30-е гг. XX в.), «Пушкинский дом» А. Битова (1978), несмотря на амбивалентное отношения автора к герою, акцентируется диалогичность, двунаправленность интерпретации. С одной стороны, нарратор, предстающий в образе метаавтора, конструирует, по определению М. П. Абашевой, модель «автолитературоведения» [Абашева, 2001]. С другой стороны, и герой создает статью о трех пророках (стихотворениях Пушкина, Лермонтова и Тютчева).

Характерно, что, хотя на протяжении романа повествователь иронически дистанцирован от Левы Одоевцева, статья о пророках как бы снимает эту дистанцию – концепция статьи изложена нарратором: «Вся статья, в целом, была написана откровенно (со всей прямотой) в пользу Пушкина. Во имя его… Лева поставил ему в заслугу высокое отсутствие личного, частного “Я”, а наличие лишь высшего, общечеловеческого “Я”, страждущего исполнить свое назначение на земле» (Битов, 1990, с. 242). Стихотворение Пушкина оказывается объектом «двойной» рефлексии, поскольку Лева чувствует неполноценность своего слова по отношению к возможности профетического пророческого говорения, а нарратор занимает позицию «метаавтора», отсылающую к пушкинскому коду (сюжету автора в «Евгении Онегине»).

Отметим, что статья впервые упоминается, когда нарратор рассуждает о сложности перехода от предыстории (т. е. родословной героя и истории его семьи) к изображению дальнейших событий. Пересказ статьи помещается в специальном приложении («Приложение ко второй части. Профессия героя») и заявляется в качестве мотивировки, из которой должны вытекать действия персонажа во второй части.

Однако пересказанная статья выполняет и другую роль – она становится нарративной паузой (вводится в повествование после рассказа о дежурстве героя в пушкинском доме в последней главе первой части под названием «Госпожа Бонасье. Дежурный» и предшествует продолжению этого же рассказа в первой главе второй части, которая называется «Дежурный. Наследник – продолжение»). Получается, что нарратор фиксирует кризис, мешающий последовательному повествованию, начинает пересказывать текст героя и лишь затем возвращается к событийной линии, ведущей к кульминационной дуэли.

Интерпретация стихотворений, таким образом, не только характеризует героя (выясняется, что он жаждет быть Пушкиным, но им движет тютчевская обида, один из знакомых называет его четвертым пророком), но и указывает на нарративную идентичность повествователя, который реализует себя через маргиналии – отступления, приложения, металепсисы, «версии» и «варианты». Неожиданное единство метанарративных позиций автора и героя объясняется актуализацией стратегии понимания, диалогическим вхождением в сверхтекст русской литературы – «пушкинский дом».

В романе Олега Стрижака «Мальчик» (1993) эта же коммуникативная модель реализована другим способом: вместо увеличения количества «авторских вторжений» метанарративный уровень акцентируется увеличением объема читательских высказываний. В сноски романа помещаются реакции читателей и издателя на рукопись Сергея Владимировича (конъюнктурного писателя с филологическим образованием), а затем – альтернативный основному повествованию многостраничный монолог сверхкомпетентного читателя, героини по имени Насмешница.

Характерно, что параллельный запискам (помимо записок Сергея Владимировича в роман помещены и записки Мальчика) экзегетический монолог Насмешницы начинается после того, как герой понимает, что не способен написать исторический роман о людях XVIII в., изображенных скульптором Микешиным на памятнике Екатерине II (скульптурный экфразис как бы блокирует событийный ряд). В противовес герою, Насмешница легко создает развернутый филологический «сюжет» о памятнике. Если конспективно перечислить его звенья, получится следующее: от памятника Екатерине – к историческому значению XVIII в., роли Петербурга, затем – к поэзии Державина, теме памятника в русской лирике и к стихотворению «Памятник» Пушкина, затем – к мотиву статуи в творчестве Пушкина. Отдельное рассуждение касается «Медного всадника» и двух экзистенциальных результатов ситуации встречи со статуями в творчестве Пушкина – мотива безумия героя, с одной стороны, и авторского стремления к символическому разрушению статичных и жестких структур, с другой. Далее интерпретируется пушкинский код русской литературы, представленный в текстах классической и неклассической художественности.

Таким образом, Насмешница выявляет интерпретационные ходы, общие для персонажей и читателей, называет особенности различных культурных кодов (петербургский, пушкинский, античный и т. д.). Более того, она занимает позицию метачитателя, т. е. проливает свет на поэтику русского романа в целом и романа Стрижака в частности. Роман «Мальчик» имеет подзаголовок «Петербургский роман», отсылающий к «петербургской повести» («Медному всаднику»), эпиграфом является фрагмент из «Пиковой дамы»: «– А разве есть русские романы?.. Пришли, батюшка, пожалуйста, пришли!» (Стрижак, 2021, с. 14). Неслучайно героиня мечтает об особом издании «Евгения Онегина»:

> Как мечтаю я о моём издании Онегина: громаднейшего формата том; чуть шершавая и великолепнейшая, затонированная, но так, чтоб казалась праздничнее чистой, бумага; под бумагой папиросной, в глубоком и уверенном цвете, роскошные иллюстрации, множество иллюстраций, где представятся все пейзажи, все сцены, интерьеры, все герои, от Истоминой и Каверина до мосье Трике; и посреди страницы нарядной: текст, кудрявым елизаветинским цицеро, чтоб и ребенок мог читать; текст буквально по капельке: одна, реже две строфы в странице; а кругом: шрифтом помельче, и нонпарелью и петитом, и самым ювелирным, каким-нибудь бриллиантом, и всё в различный, приятный цвет: строфы романа, что не вошли в окончательный текст, и строфы черновые, и все-все комментарии, относящиеся к данной строфе, все мыслимые комментарии, и здесь же: что думают об этих вот строчках лучшие ученые мира, кто занимался Онегиным; такую книгу можно будет открыть впервые в четыре года, и читать её всю жизнь… (Стрижак, 2021, с. 421–424).

Насмешница с помощью литературных (в том числе и пушкинских) аллюзий представляет всю русскую культуру как целостный палимпсест, включающий и читательские интерпретации. Вступая в диалог со своим автором, она продолжает тему, заданную эпиграфом, постулирует динамическую структуру русского романа: «…вот, к примеру, как умело и жестко поломал он гармонию романа, хвала вам, девяти каменам, и никаких девяти камен, и насколько истинней, и во много раз просторней стал роман; всякий истинный роман, клубящийся его гром, открывает нам, всего-навсего, новую форму природы» (Стрижак, 2021, с. 413–

414). Более того, героиня, как бы объясняя незавершенность романа Стрижака (роман не был закончен автором), приходит к выводу о том, что любой роман в принципе незавершим в силу своей процессуальной природы: «…уместно припомнить, что всякий пристойный роман, просто в силу онтологического его закона, есть система разомкнутая, хотя бы по одному тому, что, имея отчетливое начало, ни один достойный роман никогда не имеет финала, и по тому, что он четырежды, в четырех формах, процесс: процесс замышления, процесс создания, процесс прочтения и процесс восприятия» (Стрижак, 2021, с. 429).

Таким образом, экзегетические фрагменты в данных филологических нарративах указывают на целостность феномена русской культуры, констатируют бессмертие смысла (подробнее о романе «Мальчик» см.: [Жиличева, 2025]).

В романах XXI в. доминирует другая модель – размывается граница между повествовательным и интерпретирующим дискурсом, исчезает необходимость композиционно выделять метанарративные компоненты (акцентировать вставные тексты или сноски). Подобная гибридизация диегезиса и экзегезиса подчеркивает проблематизацию взаимодействия науки о литературе и жизненной практики персонажей. Кроме того, во многих случаях герой-филолог соотносится с актантной позицией трикстера, маргинала, не вписывающегося в систему.

Например, протагонист романа Д. Данилова «Саша, привет!» попадает в ситуацию ожидания казни, отсылающую к «Приглашению на казнь» В. Набокова (повторы очевидны на уровне элементов интриги: попытки писать / вести блог, повторяющиеся визиты персонажей в камеру, абсурд окружающего мира). Однако вместо филологической интерпретации данной жизненной ситуации, герой Данилова «растворяется» в ней, мимикрирует, теряет позицию вненаходимости. Поэтому освобождение героя возможно только как переход в «кинокадр». В финале романа герой из коридора с пулеметом, который должен был выстрелить в него, неожиданно выходит в пространство Москвы, однако нарратор предоставляет «кинематографическое» истолкование происходящего, прогнозируя реакцию зрителей: «Если б это был не просто текст, а кино, то во время их прохождения по экрану шли бы титры <…> Люди в зале начали вставать со своих мест <…> Некоторые люди <…> говорят, какой это дикий киношный штамп – вот этот вот уход героя в никуда под титры» (Данилов, 2022, с. 248). Трансформация героя в стандартный кинообраз (движущаяся фигура) перекодирует филологическую стратегию постижения реальности в кинематографическую, подчеркивая превращение нарратива в сценарий.

В новейшей литературе формируется еще одна тенденция – ведущей мотивировкой наррации становится попытка героя превратиться в автора или персонажа прочитанных книг, прожить чужую биографию. В этом случае субъекту повествования требуется не претекст, который можно сделать предметом исследования, а чей-то событийный опыт, восполняющий нехватку своего. Так, в «Описании города» Д. Данилова (2012) повествователь интериоризирует добычинский топос – город Брянск. Провокационная модель коммуникации отменяет событийный план: вместо рассказывания истории повествователь создает итератив – отмечает циклические процессы в хронотопе города, возвращаясь туда каждый год. В контекст повествования вводится биография и поэтика Л. Добычина. В тексте Данилова элементы наблюдаемой реальности сопоставляются с фразами из рассказов Добычина, навеянных Брянском («Ерыгин», «Отец»). Очевидны несколько значимых параллелей и с романом Добычина «Город Эн»: утаивание названия города Брянска в тексте Данилова отсылает к именованию Двинска «городом Эн»

в романе Добычина, нарратив, состоящий из фиксации деталей увиденного, – к «дневнику наблюдений» протагониста «Города Эн». Погружение в иной художественный мир (реконструкция атмосферы произведений Добычина, воспроизведение ощущений писателя) приводит к тому, что читатель включается в своего рода игру – поиск сходств и различий.

Подобная интериоризация чужой творческой интенции присутствует и на уровне героев. В романе Антона Секисова «Комната Вагинова» (2023) филолог, изучающий творчество писателя, переезжает в его квартиру и попадает в обстоятельства, напоминающие гротескные ситуации романов Вагинова. Более того, сама ситуация «материального» приобщения к чужому творчеству подобна описанной в романе Вагинова «Козлиная песнь» замене духовного диалога с текстом автора на обладание его артефактами (один из персонажей Вагинова – Миша Котиков – коллекционирует вещи умершего писателя Заэфратского). При этом герой Секисова является «ненадежным филологом» и не «прочитывает» в перипетиях жизни легко узнаваемые благодаря русской литературе знаковые комплексы. Отметим, что данный вариант ненадежности использован автором и в романе «Бог тревоги» (2021): герой-писатель, переехавший из Москвы в Петербург, не понимает принципов «поэтики» абсурдистского варианта петербургского текста, пока не встречает на Невском проспекте свою преподавательницу литературы и не вспоминает тему своей курсовой работы.

> Ирина Константиновна с тоской осматривала меня, когда-то своего лучшего ученика. Как хорош я был в свои двадцать лет, когда писал курсовую о жанровых особенностях поэмы «Москва – Петушки». И до чего я дошел, жуткий, больной, полуседой, покрытый кошачьей шерстью, как помешавшаяся старуха из «Симпсонов». И вдобавок собравшийся отменить постмодернистскую парадигму. Мне хотелось сделать что-то, чтоб изменить ее впечатление, но было ясно, что сейчас я смогу его только еще ухудшить. Я наконец повернулся и двинулся в павильон метро. Я чувствовал, как она смотрит выцветшими глазами на мой рюкзак, на мою сутулую спину. Что с тобой сделала русская литература, бедный седой мальчик? (Секисов, 2021, с. 105).

Случайная встреча становится знаком, указывающим на возможность преодоления судьбы Венечки (герою удастся совершить путешествие, но избежать смерти).

Сходным образом метанарративный уровень индексируется и в романе И. Шипнигова «Стрим» (2021). Подруга выпускницы филологического факультета называет проблематику ее дипломной работы: «…вчера вечером пересеклись с настей, думаю начать светский разговор, спросила ее, где училась кем работает, она прогнала: я кончила филологический факультет, кафедру истории русской литературы 19 века, моя дипломная работа посвящена нарративным стратегиям в романе достоевского преступление и наказание» (Шипнигов, 2021, с. 86). Характерно, что Настя, оказавшись в среде «бедных людей», пытается повысить их культурный уровень, но испытывает только раздражение от их безграмотности и непросвещенности. Тем самым подчеркивается, что сущность нарративной стратегии произведений Достоевского долгое время остается вне ее кругозора. Однако в финале романа любовь, жалость и прощение позволяют героине совместить опыт филологического восприятия с постижением своего и чужого внутреннего мира.

Данные примеры показывают, что на смену описанию деятельности филолога как читателя, расшифровывающего текст и культурный код, приходит акцентирование феноменологической проблематики: филология становится либо рамкой, завесой, скрывающей реальность, либо «точкой входа» в нее.

В романе С. Носова «Колокольчики Достоевского: записки сумасшедшего литературоведа» (2025) данная тенденция углубляется – оппозиция надежного и ненадежного применения филологических концепций к истолкованию жизни снимается, поскольку герой-рассказчик объявляет себя воплощением романа Достоевского.

> Потому что я и есть роман Достоевского.
>
> Повторю: я есть роман Достоевского «Преступление и наказание».
>
> Вот что открылось мне в тот вечер, когда я читал лекцию о романе. Вот что меня тогда потрясло. Вот суть моего открытия.
>
> Нет (еще раз), не Достоевский сам, не Наполеон, не Раскольников, не Свидригайлов, а все вместе и сразу – и, главное, сверх того!
>
> Я есть «Преступление и наказание»!
>
> Я есть Преступление! Я есть Наказание!
>
> «Преступление и наказание»!
>
> Оно воплотилось во мне!
>
> Я не знаю, с чем это сравнить. Я остаюсь человеком, две руки, на каждой по пять пальцев, у меня конкретное Ф.И.О., уникальные данные паспорта, пользуюсь ложкой и зубной щеткой, способен общаться с людьми, брат-близнец меня навещает, и вместе с тем я безусловно оно, то самое – «Преступление и наказание» Федора Михайловича Достоевского. Роман, но не только роман. Еще идея романа (Носов, 2025, с. 43–44).

Герметичность такой интерпретационной модели приводит к амбивалентному результату. С одной стороны, в нарративе подчеркивается трикстерская природа героя. Например, в интригу вводится тема близнецов: сумасшедший литературовед верит в существование своего двойника – брата-писателя, который периодически меняется с ним местами. Герой одновременно является призраком и подобием автора – имеет биографическое сходство с Носовым (в тексте упоминается посвященный Достоевскому рассказ «Проба», содержание которого аналогично рассказу Носова). С другой стороны, герой, совпадая с романом как с самим собой, легитимизирует право на субъективное истолкование (герой в виде писем к психиатру пишет заявку на исследование о «Преступлении и наказании»), игнорирующее накопившиеся в традиции штампы, т. е. создает новый миф о романе Достоевского. Поэтому он, например, указывает на недостатки в существующих экранизациях романа и создает свою воображаемую «филологическую» экранизацию: «в моем кино… извозчиком, что повез пьяную (девочку) <…> окажется тот же извозчик, что кнутом ударил героя, а потом сбил Мармеладова. Да, да, этого нет в романе… А я вижу, что есть» (Носов, 2025, с. 322).

Необходимо отметить, что элементы филологического дискурса встречаются и в произведениях (в том числе ориентированных на массового читателя), где нет героя-филолога, но важна расшифровка культурного кода. Литературоведческие концепции, термины и понятия могут как быть частью экзегезиса, так и диктовать развитие интриги.

Первый вариант представлен, например, в романе М. Елизарова «Юдоль» (2025). Нарратор, называющий себя оккультистом, магом, колдуном и т. п., в ме-

талепсисах, обращенных к некоей читательнице (возлюбленной) и персонажам романа, неожиданно начинает использовать термины сюжетологии, объясняющие приемы его повествования. Тем самым «мамлеевско-сорокинский» (гипертрофированно натуралистический) план повествования совмещается с метапародийным: «Ты уж прости, милая, но путь и правда неблизкий. И помни о ретардации! Нельзя по щелчку оказаться возле ворот интерната! Замедление драматургически необходимо повествованию» (Елизаров, 2025, с. 377).

Характерно, что рефлексию нарратора вызывает традиционная (со времен «Тристрама Шенди») проблема метаромана – соотношение изображаемого времени и времени рассказа.

> Леша Апокалипсис все же не кощунствует, а именно что пророчествует. Понятно, это сюжетная ретроспекция, мы-то давно в курсе <…> но для Кости и юродов еще только наступает утро среды… В смысле не понимаешь, что такое ретроспекция?! Малыш, а для кого был рассказ про окружность Божьего постоянства и паровозик Линейности?! <...> Линейное время не случайно называют еще и нарративным, ибо спецификой его являются разнонаправленность и обратимость (Елизаров, 2025, с. 327–328).

Язык терминов в данном случае парадоксальным образом становится способом описания мистических представлений, проблема ретроспекции и нарративного времени соотносится с откровениями в стиле Якоба Бёме: «Все давно свершилось, и в Божьем постоянстве творится страшный суд. А нынешняя жизнь – просто Божья милость, Его память о тебе, то есть ретроспекция. Но во взаимодействии проспекции и интроспекции осуществляется связь времен и Божья вечность…» (Елизаров, 2025, с. 328).

Второй вариант характерен для творчества В. Пелевина. Так, герой романа «Круть» (2024) – сыщик Маркус З, чтобы пройти очередное испытание, должен прочитать надписи на камне, отсылающие к концепции В. Я. Проппа:

> Надпись на камне изменилась. Теперь она выглядела странно.
>
> НАПРАВО ЗАШАГАЕШЬ – пропп #12
>
> НАЛЕВО ПРОЙДЕШЬ – пропп #7R
>
> ПРЯМО ПОЙДЕШЬ – пропп #!&
>
> Первые два слова в каждом ряду были по-прежнему высечены в камне. То, что шло после тире, было напечатано на каких-то несолидных наклейках, прилепленных поверх надписи.
>
> – Что это за пропп? – спросил я. – Может, prompt?
>
> – Нет, – ответил Ломас. – Именно Пропп. Автор «Морфологии Волшебной Сказки» (Пелевин, 2024, с. 347–348).

Начальник Маркуса, Ломас, объясняя герою задание, отмечает, что в первом случае его ждет повторное сражение со Зверем, в котором невозможно победить. Пометка «пропп #12» отсылает к параграфу «Функции действующих лиц», где Пропп указывает, что герой испытывается, выспрашивается, подвергается нападению, чем подготовляется получение им волшебного средства или помощника: «8) Враждебное существо пытается уничтожить героя (Д8) <…> 9) Враждебное существо вступает с героем в борьбу» [Пропп, 2001, с. 41].

Вторая надпись обозначает, что Маркусу придется переплыть кислотную реку (она рассчитана на то, чтобы полностью растворить коня). Значок «R» в пятна-

дцатом пункте предполагает пространственное перемещение героя: «Определение – пространственное перемещение между двумя царствами, путеводительство» [Пропп, 2001, с. 48]. Пропп отмечает, что в случае R2 герой едет по земле или воде верхом на коне, но препятствие в виде кислотной реки – изобретение программистов пелевинского посткарбонового мира.

В третьем случае героя ожидает решение волшебной загадки. На камне-указателе информация ограничивается пометкой «пропп #!&», однако в «Морфологии волшебной сказки» обнаруживается соответствующая функция: «XXV. Герою предлагается трудная задача (определение – трудная задача, обозначение 3) <…> Задачи на отгадывание и пр.: задать неразрешимую загадку» [Там же, с. 56].

Таким образом, Маркус, чтобы успешно пройти сюжетное испытание, вынужден понять концепцию Проппа, а нарратор, несмотря на пародийный эффект «гипертекстового» цитирования, через теоретическую модель волшебной сказки «всерьез» указывает на глубинный способ конструирования фантастического нарратива. В аналогичной функции метаэлементов, обнажающих текстовую природу иллюзорной реальности, выступают в творчестве Пелевина понятия дискурса («Ампир В» (2006)), нарратива («Тайные виды на гору Фудзи» (2018)).

> Дело в том, что мы живем не в «мире», не в «пространстве» и не во «времени», не среди ощущений и переживаний – мы живем в нарративе <…> Мало того, мы не просто живем в нем, мы сами тоже нарратив» (Пелевин, 2018, с. 225).

Подведем некоторые итоги. Филологическая интенция современного романа расширяет область нарративного интереса читателя, включая в нее то, что трудно поддается нарративизации – «археологию» литературного дискурса. Поэтому рассказ о событийном опыте дополняется своего рода «экзегетическими» филологическими высказываниями, толкованием литературоведческих терминов и понятий.

В нарративах, актуализирующих конвергентную коммуникацию, интердискурсивность становится частью поиска общего сектора адекватных прочтений, а филолог предстает сверхкомпетентным читателем, хранителем смысла. В нарративах с дивергентной, провокационной коммуникативной моделью, напротив, появляется фигура «ненадежного» филолога. Свойственное такому герою «слепое пятно», т. е. «неузнавание» в жизненных обстоятельствах литературных структур, проблематизирует саму возможность совмещения научного и экзистенциального опыта.

При этом обе модели позволяют читателю филологической прозы соотнести свою интерпретацию с предложенным типом истолкования, обрести собственную идентичность в формулировании активной ответной позиции.

Список литературы

Абашева М. П. Литература в поисках лица (русская проза конца XX века: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 320 с.

Бешукова Ф. Б., Пшизова А. К. Структурно-семантические особенности филологической прозы // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2022. № 3 (302). С. 100–106.

Женетт Ж. Фигуры: В. 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. 472 с.

Жиличева Г. А. Интрига чтения в романе О. Стрижака «Мальчик» // Теоретик. Юбиляр. Преподаватель. Автор: к 80-летию Валерия Игоревича Тюпы: Сб. науч. ст. М.: Эдитус, 2025. С. 192–200.

Ивденко Н. В. Логос наррации в филологическом романе // Вестник Костром. гос. ун-та. 2021. Т. 27, № 3. С. 222–227.

Ладохина О. Ф. Филологический роман. Фантом или реальность русской литературы XX века? М.: Водолей, 2010. 162 с.

Новиков Вл. Филологический роман. Старый новый жанр на исходе столетия // Новый мир. 1999. № 10. URL: https://nm1925.ru/articles/1999/199910/filologicheskiy-roman-4512/ (дата обращения 01.03.2025).

Пахсарьян Н. Т. Семиотика и семиотики в романе Лорана Бине «Седьмая функция языка» // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2023. № 3 (55). С. 152–167.

Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / Науч. ред., текстологический коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.

Разумова А. О. «Филологический роман» в русской литературе XX века (генезис, поэтика): Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2005. 20 с.

Рикёр П. Лекция вторая. Повествовательная идентичность // Поль Рикёр в Москве. М.: Канон+, 2013. С. 61–75.

Степанова И. М. Филологический роман как «промежуточная словесность» в русской прозе конца XX века // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2005. Вып. 6 (50). С. 75–82.

Турышева О. Н. Книга – чтение – читатель как предмет литературы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 337 с.

Тюпа В. И. Горизонты исторической нарратологии. СПб.: Алетейя, 2021. 270 с.

Шмид В. Нарратология. М.: ЯСК, 2003. 295 с.

Список источников

Битов А. Пушкинский дом. М.: Известия, 1990. 416 с.

Елизаров М. Юдоль. М.: АСТ; Редакция Е. Шубиной, 2025. 474 с.

Данилов Д. Описание города. М.: Астрель, 2012. 253 с.

Данилов Д. Саша, привет! М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2022. 248 с.

Носов С. Колокольчики Достоевского: записки сумасшедшего литературоведа. М.; АСТ: Изд-во Е. Шубиной, 2025. 445 с.

Пелевин В. О. Тайные виды на гору Фудзи. М.: Эксмо, 2018. 416 с.

Пелевин В. О. Круть. М.: Эксмо, 2024. 496 с.

Секисов А. Бог тревоги. СПб.: Лимбус Пресс, 2021. 272 с.

Секисов А. Комната Вагинова. М.: Альпина нон-фикшн: Букмейт, 2023. 256 с.

Стрижак О. Мальчик: Роман в воспоминаниях, роман о любви, петербургский роман в шести каналах и реках. М.: Городец, 2021. 512 с.

Шипнигов И. Стрим. М.: Лайвбук, 2021. 480 с.

References

Abasheva M. P. *Literatura v poiskakh litsa (russkaya proza kontsa XX veka: stanovleniye avtorskoy identichnosti)* [Literature in search of a face (Russian prose at the end of the 20th century: formation of authorial identity)]. Perm, Perm. Univ., 2001, 320 p.

Beshukova F. B., Pshizova A. K. Strukturno-semanticheskiye osobennosti filologicheskoy prozy [Structural-semantic features of philological prose]. *The Bulletin of the Adyghe State University. Series "Philology and the Arts".* 2022, no. 3 (302), pp. 100–106.

Genette G. *Figury: v 2 t.* [Figures: in 2 vols.]. Moscow, Izd. im. Sabashnikovykh, 1998, vol. 2, 472 p.

Ivdenko N. V. Logos narratsii v filologicheskom romane [The logos of narration in the philological novel]. *Vestnik of Kostroma State University*. 2021, vol. 27, no. 3, pp. 222–227.

Ladokhina O. F. *Filologicheskiy roman. Fantom ili real'nost' russkoy literatury XX veka?* [The philological novel: phantom or reality of 20th-century Russian literature?]. Moscow, Vodoley, 2010, 162 p.

Novikov Vl. Filologicheskiy roman. Staryy novyy zhanr na iskhode stoletiya [The philological novel: an old-new genre at the end of the century]. *Novyy mir*. 1999, no. 10. URL: https://nm1925.ru/articles/1999/199910/filologicheskiy-roman-4512/ (accessed 01.03.2025).

Pakhsar'yan N. T. Semiotika i semiotiki v romane Lorana Bine "Sed'maya funktsiya yazyka" [Semiotics and semiotics in Laurent Binet's novel "The Seventh Function of Language"]. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. 2023, no. 3 (55), pp. 152–167.

Propp V. Ya. *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of the fairy tale]. I. V. Peshkov (Ed., Text. comment.). Moscow, Labirint, 2001, 192 p.

Razumova A. O. *"Filologicheskiy roman" v russkoy literature XX veka (genezis, poetika)* [The "philological novel" in 20th-century Russian literature (genesis, poetics)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2005, 20 p.

Ricoeur P. Lektsiya vtoraya. Povestvovatel'naya identichnost' [Lecture two. Narrative identity]. In *Pol' Riker v Moskve* [Paul Ricoeur in Moscow]. Moscow, Kanon+, 2013, pp. 61–75.

Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, LRC Publishing House, 2003, 295 p.

Stepanova I. M. Filologicheskiy roman kak "promezhutochnaya slovesnost'" v russkoy proze kontsa XX veka [The philological novel as "intermediate literature" in late 20th-century Russian prose]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Series: Series Humanities (Philology)*. 2005, iss. 6 (50), pp. 75–82.

Turysheva O. N. *Kniga – chteniye – chitatel' kak predmet literatury* [Book – reading – reader as a literary object]. Yekaterinburg, Ural Univ., 2011, 337 p.

Tyupa V. I. *Gorizonty istoricheskoy narratologii* [Horizons of historical narratology]. St. Petersburg, Aleteya, 2021, 270 p.

Zhilicheva G. A. Intriga chteniya v romane O. Strizhaka "Mal'chik" [The reading intrigue in O. Strizhak's novel "Boy"]. In *Teoretik. Yubilyar. Prepodavatel'. Avtor: k 80-letiyu Valeriya Igorevicha Tyupy: sb. nauch. st.* [The theoretician. Jubilarian. Teacher. Author: on the 80th anniversary of Valery Tyupa: collection of scientific articles]. Moscow, Editus, 2025, pp. 192–200.

List of sources

Bitov A. *Pushkinskiy dom* [Pushkin House]. Moscow, Izvestiya, 1990, 416 p.

Danilov D. *Opisaniye goroda* [Description of the city]. Moscow, Astrel', 2012, 253 p.

Danilov D. *Sasha, privet!* [Sasha, hello!]. Moscow, AST, Redaktsiya Eleny Shubinoy, 2022, 248 p.

Elizarov M. *Yudol'* [The vale]. Moscow, AST, Redaktsiya E. Shubinoy, 2025, 474 p.

Nosov S. *Kolokol'chiki Dostoevskogo: zapiski sumasshedshego literaturoveda* [Dostoevsky's little bells: notes of a mad literary scholar]. Moscow, AST, Izd. E. Shubinoy, 2025, 445 p.

Pelevin V. O. *Krut'* [Krut']. Moscow, Eksmo, 2024, 496 p.

Pelevin V. O. *Taynyye vidy na goru Fudzi* [Secret views of Mount Fuji]. Moscow, Eksmo, 2018, 416 p.

Sekisov A. *Bog trevogi* [God of anxiety]. St. Petersburg, Limbus Press, 2021, 272 p.

Sekisov A. *Komnata Vaginova* [Vaginov's room]. Moscow, Al'pina non-fikshn, Bukmeyt, 2023, 256 p.

Shipnigov I. *Strim* [Stream]. Moscow, Layvbuk, 2021, 480 p.

Strizhak O. *Mal'chik: roman v vospominaniyakh, roman o lyubvi, peterburgskiy roman v shesti kanalakh i rekakh* [Boy: a novel in memories, a novel about love, a Petersburg novel in six channels and rivers]. Moscow, Gorodets, 2021, 512 p.

Информация об авторе

Галина Александровна Жиличева, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)
Scopus Author ID 57204655937
WoS Researcher ID J-8595-2016
SPIN 6517-3809

Information about the author

Galina A. Zhilicheva, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature, and Methods of Teaching Literature, Institute of Philology, Mass Media and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57204655937
WoS Researcher ID J-8595-2016
SPIN 6517-3809

Статья поступила в редакцию 10.04.2026;
одобрена после рецензирования 13.05.2026; *принята к публикации 13.05.2026*
The article was submitted on 10.04.2026;
approved after reviewing on 13.05.2026; *accepted for publication on 13.05.2026*